

УДК 94:332(560)

Становление откупной системы и чифтликков в Османской империи (конец XVI – XVIII вв.)

Олег Моргун

Исследование представляет собой обобщающий анализ разложения тимарного землевладения и его замещения откупной системой и чифтликками, что вызвало постепенную коммерциализацию сельской экономики. Автор рассматривает общие черты и особенности этого процесса, отчасти напоминающего современные европейские тенденции того времени, в отдельных провинциях Османского государства.

Ключевые слова: тимар, ильтизам, маликяне, чифтлик

В современной историографии принято считать, что зарождение капиталистических отношений является результатом внутренних процессов в Западной Европе в эпоху Ренессанса, Великих географических открытий и Реформации. Как утверждает сторонник данной концепции Л. С. Васильев, на протяжении XVI–XVIII вв. «Восток, впервые в истории, ощутив преимущества энергичного и динамичного развития, был вынужден подчиниться тенденции к ускорению темпов эволюции» [1, с. 11]. Также Л. С. Васильев, поддерживая мнение Н. А. Иванова [2, с. 42-45], указывает, что главным антагонистом западного христианства в этот период выступает Османская империя [1, с. 11-12]. Тем не менее, в современной османистике преобладает точка зрения, согласно которой Османское государство рассматривается как составная часть европейского «баланса сил» и активный участник торговых отношений [18, р. 150-154]. В подтверждение этого, К. Нисанджиоглу приводит описание картины голландского художника Г. Гоблейна Младшего «Послы» (1533 г.), предложенное Л. Джардин. По данной интерпретации в центре произведения находится стол с предметами, символизирующими Великие географические открытия, Реформацию и религиозные войны, а английского и французского посла, оттесненных на второй

© Моргун О., 2014

план, символически объединяет османский ковер, подспудно демонстрируя, что в XVI в. Османская империя принимала непосредственное участие в европейских делах [23, р. 2-3].

С конца XVI в. Османское государство подверглось коренной трансформации, во многом обусловленной экономическими переменами, произошедшими в Западной Европе. Одним из проявлений трансформации стало разложение тимарного землевладения и постепенное его замещение откупной системой сбора налогов и чифтликским землевладением (çiftlik – ферма, поместье). Цель нашей работы – проследить особенности этого процесса и факторы, способствующие его развитию в конце XVI–XVIII в.

Тимарная система землевладения сложилась в классическую эпоху османской истории, охватывающую XIV–XVI в., когда территориальные границы государства, за исключением небольшого промежутка времени, непрерывно расширялись. Согласно османскому законодательству, все земли делились на две категории – государственные (miri – около 90 % всего земельного фонда в XVI в.) и частнособственнические (mülk). В это время ударную силу османского войска составляли кавалеристы (sipahi), которым за несение военной службы полагались условные земельные пожалования (dirlik). Дирлики делились на три категории: тимары, зеаметы и хассы, годовой доход которых равнялся сумме от 3000 до 20000, от 20000 до 100000 и свыше 100000 акче (мелкая серебряная монета) соответственно. Тимары предоставлялись конным воинам, а зеаметы – санджакбеям (наместникам провинций – sancak), бейлербеям (управляющим большими регионами – Rumeli, Anadolu, Rum) и представителям центральной администрации. Помимо военных на сипахи также были возложены административные функции на местах [3, с. 115-130].

Отношения между правящим классом (askeri) и податным населением (reaya) коренным образом отличались от порядков, характерных для Западной Европы, поскольку избыточный продукт извлекался не в форме ренты, а с помощью фиксированных налогов, которые в XIV – XVI в. жаловались сипахи за несение службы в пользу государства [23, р. 10]. Крестьяне не находились в личной зависимости от владельца дирлика, и в большей части завоеванных земель были отменены практически все трудовые и натуральные повинности крестьян в пользу сипахи. Однако вместо них крестьяне должны были платить ежегодный денежный налог: чифт-ресми – для мусульманского населения и испенч-ресми – для немусуль-

манского населения, размер которых обычно был равен 22 акче [19, р. 338]. Основным налогом являлась десятина (*öşür* – с мусульман, *haraç* – с немусульман), выплачиваемая в натуральном виде, размер которой колебался от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ части урожая в зависимости от плодородия почвы и типа земледелия [7, с. 31-32].

Долгое время османское государственное и военное устройство вызывало восхищение у Н. Макиавелли, Дж. Бодина и других европейских философов того времени [18, р. 179-188]. Однако с конца XVI в. ситуация разительно изменилась.

В корне этих перемен находятся факторы как внутреннего, так и внешнего происхождения. И если османские мыслители конца XVI – XVII вв. видели причины внутренних неурядиц в отходе от традиций, сложившихся в эпоху Сулеймана Кануни [6, с. 1-70], то многие османисты во второй половине XX в. стали склоняться к совершенно противоположному. Так, О.Л. Баркан в статье, освещающей революцию цен в Османской империи, которая до последнего времени широко использовалась и практически не подвергалась критике, предположил, что упадок государства Османов и становление нового общественного и экономического устройства начались в результате процессов за пределами империи и, в особенности, из-за становления «атлантической экономики» в Западной Европе [11, р. 5]. В современной историографии преобладает комплексный подход в изучении трансформации Османской империи, в рамках которого были пересмотрены не только перечисленные выше мнения, но и сама парадигма упадка [32, р. 12-19], которая разрабатывалась, начиная с 1950-х гг. и отражена, в частности, в работах таких выдающихся ученых-османистов, как Б. Льюис [21, р. 21-39]. Так, историки, критикующие парадигму упадка, утверждают, что она ведет к линейному пониманию истории, сводящемуся к расцвету, упадку и неизбежной гибели Османского государства. Кроме того, это обуславливает схематизацию османской истории в трудах историков, не специализирующихся на османистических исследованиях [см. напр.: 15, с. 3-30]. Некоторые критики «упадка», применяя сравнительный подход, выдвигают следующий аргумент: почему, рассматривая кризис в Османской империи, историки приходят к заключению об упадке, тогда как те же самые процессы во Франции XVI в. расцениваются как трансформация, которая сглаживала переход к капиталистическим отношениям и национальному государству [9, р. 165]? Учитывая все это, видится сложным проанализировать разложение тимарной системы землев-

ладения, не обращая внимания на общие проблемы экономической, социальной и военной истории Османского государства.

В XVI в. военное дело в Западной Европе было отмечено развертыванием «военной революции», которую вкратце можно свести к массовому использованию пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием, и последующему изменению военной тактики, а также возведению новых фортификационных линий [10, р. 126-141; 22, р. 107-111]. С конца XVI в., в условиях продолжительных войн Османского государства на западном и восточном фронтах – с империей Австрийских Габсбургов (1593-1606 гг.) и Сефевидским Ираном (1578-1590 гг. и 1603-1612 гг.) [22, р. 5-8], кавалеристы-сипахи стали проявлять все большую неэффективность, что привело к постепенному увеличению пехоты – янычар и временных наемников (*sekban* или *levend*) [22, р. 190-191; 29, р. 4-5].

Другим не менее важным фактором стала революция цен, которую, как показывают исследования, нельзя просто ограничивать неконтролируемым притоком серебра, шедшим в Османское государство через торговлю с Западной Европой [28, р. 69-89]. На этой проблеме стоит остановиться более подробно, поскольку она способствовала не только распаду тимарного землевладения, но и становлению откупной системы и чифтликского хозяйства.

Как утверждает М. Генч, османская экономическая система базировалась на трех основных принципах – провизионизме, фискализме и традиционализме. Провизионизм означал качественное и своевременное обеспечение населения продуктами потребления, фискализм – непрерывное пополнение государственной казны, традиционализм – соблюдение указанных двух принципов. Однако их сочетание не всегда было гармоничным, и один из принципов по очереди преобладал [16, р. 192-193]. Так, в соответствии с принципом провизионизма, с тем чтобы избежать дефицита на внутреннем рынке, османское правительство часто прибегало к запрету на экспорт зерна и прочих стратегических продуктов [30, р. 172]. Однако, так как Османская империя постоянно испытывала недостаток драгоценных металлов, и еще действия первых османских султанов были направлены на то, чтобы обеспечить их стабильный приток [17, р. 91-92], правительство периодически позволяло продажу зерна в Западную Европу, где оно стоило намного выше фиксированных османских цен. Тем не менее, колоссальная инфляция XVI в. определялась, в том числе, и быстрым ростом населения, что вызывало нехватку продуктов питания на внутренних рынках [17, р. 71-

80], и резко возросшими военными расходами [25, р. 4-5]. В этих условиях государство неоднократно осуществляло порчу монеты [28, р. 73-79]. Все это привело к росту цен на продукты питания и одновременному падению реальной стоимости тимаров, потому что значительная часть их доходов поступала в форме фиксированных денежных сумм.

Таким образом, постепенное уменьшение количества сипахи, опоры прежней системы, и сокращение их доходов вело к разложению тимарного землевладения. Данный процесс ускорился и обрел необратимый характер в период Джелялийской смуты на рубеже XVI–XVII вв., представляющей собой серию массовых народных выступлений, которые стали причиной опустошения и экономического застоя в большей части Анатолии [5, с. 127-135; 7, с. 52-81; 30, р. 185-186, 188].

Одним из вариантов трансформации тимарного землевладения стала откупная система сбора налогов (*iltizam*), действовавшая в Османской империи с XV в. Тогда она была ограничена только доходами, использовавшимися для выплаты содержания чиновникам и военнослужащим, местных расходов и пр., которые собирались с султанских земельных владений, коммерческих налогов (таможенных и торговых) и государственных монополий (соляное, рыбное производство и пр.) [30, р. 9-10]. С конца XVI в., когда правительство стало перераспределять государственные доходы за счет сипахи в пользу янычар и секбанов, система *ильтизама* стала быстро расширяться. Часть тимаров была конфискована и переведена в султанскую собственность либо пожалована должностным лицам в виде хасов и зеаметов [29, р. 11-12]. Другим способом увеличения государственных доходов стало введение чрезвычайных налогов (*avarız-ı divaniye*, *bedel-i nüzul*, *imdad-ı seferiye*, *imdad-ı hazeriye*), которые изначально взимались для финансирования армии в условиях военного времени и для содержания вооруженных подразделений губернаторов в мирное время. Чрезвычайные налоги собирались в денежной или натуральной форме, а их размер не был фиксированным, в отличие от доходов сипахи, и увеличивался с обесцениванием акче. Со временем чрезвычайные налоги обрели постоянный характер и стали широко сдаваться на откуп [4, с. 95-98].

Существовало три метода сбора налогов: *эманет* – с помощью назначенного правительством агента (*emin*), которому за его деятельность полагался фиксированный оклад; *ильтизам* – путем сда-

чи части государственных доходов (*mukata'a*) на краткосрочный откуп откупщику (*mültezim*), длившийся обычно 1-3 года; сочетание первых двух – посредством назначения определенного лица, который как и *эмин* отвечал за сбор налогов, однако получал жалование не из казны, а отсчитывал его себе как откупщик из общей суммы перед передачей ее государству [29, р. 10-11].

В контексте избранной нами темы наибольший интерес вызывает второй метод. Для иллюстрации его механизма можно обратиться к примеру взимания налогов *авариз* и *нюзуль* в провинции (*eyâlet*) Караман во второй половине XVII в. Доходы с этой провинции сдавались в откуп на один год после торгов на открытом аукционе. Хотя *мукатаа* могли получить все подданные османского султана вне зависимости от конфессиональной принадлежности, в Карамане *мультезимами* были лишь мусульмане. Так как аванс при получении *мукатаа* выплачивался только в моменты финансовых трудностей, то до 1658 г. эта практика вообще не применялась, а с этого года стала постоянной, что также отражает общую тенденцию в государстве. Размер аванса был различным – от 240 тыс. акче в 1691 г. до 3,6 млн. акче в 1679 г. Хотя было принято, что *мультезим* должен заручиться поддержкой одного поручителя, в случае Карамана имеется только один такой прецедент – в 1672 г. Исмаил-ага, житель Кайсери, поручился за Али-агу, откупщика *авариза*. В поддержку аргумента о том, что при распределении *мукатаа* важную роль играли личные связи, указывает тот факт, что в 1669 г. откуп *авариза* был предоставлен Кетхюда Али-аге, аванс за которого выплачивался не им лично, а из имперской казны. В целом, откуп являлся рискованным делом, потому что *мультезим*, не сумевший собрать договоренную сумму, был обязан покрыть ее за свой счет [12, р. 555-556; 14, р. 160-167].

Характерно, что с конца XVI в. к практике откупов стало прибегать не только государство, но и высокие чиновники, которые проживали в Стамбуле и прочих больших городах, получавшие свое жалование и пенсии не в форме денежного оклада, а виде пожалований (*arpalık*) – зеаметов и хассов. Отсутствуя в своих имениях, такие лица, так же как и правительство, предпочитали передавать сбор налогов либо управляющим, либо *мультезимам*, предложившим наивысшую цену [29, р. 13].

Считается, что в Османском государстве в условиях отсутствия банков, откупная система стала источником внутренних займов, к которым неоднократно обращались европейские монархи [26,

р. 239; 27, р. 22]. В пользу этого суждения может выступать также то, что в 1695 г. в разгар войны Османской империи со Священной Лигой (1683-1699 гг.) и острых финансовых затруднений, система краткосрочных откупов эволюционировала в долгосрочную или же систему пожизненных откупов (*malikâne*). Хотя формально в султанском указе декларировалось, что система маликяне вводится с целью уменьшить злоупотребления откупщиков, стремившихся за короткий срок выжать как можно больше средств с населения, и побудить их к защите своих налоговых источников [24, р. 233], в действительности правительство преследовало более широкие цели.

Маликяне продавались на открытых аукционах, приобрести их мог как один человек, так и несколько лиц. Владелец маликяне (*malikâneci*) кроме выплаты годового дохода (*mal-ı miri*) в форме трехразовых платежей, при покупке откупа платил аванс (*muascele*), который обычно оценивался как 2-10 годовых доходов, однако в действительности нередко превышал эту сумму [13, р. 66]. Кроме того, с маликянеджи периодически взимались дополнительные налоги: *джюлюс* (*güsum-ı cülus*) – по случаю восшествия на престол нового монарха в размере 25 % *муаджеле* между 1703-1754 гг. и *джебелю* (*cebelü bedeliyesi*) – в военное время в размере 15 % *муаджеле* [29, р. 18].

Поскольку откупщики не всегда располагали значительными денежными суммами, становление как *ильтизама*, так и *мукатаа* содействовало развитию ростовщического капитала, который нашел пути, чтобы обойти запрет на проценты, предписанный исламом. Процентные ставки на такого рода займах в среднем составляли 10-20 % [26, р. 232; 27, р. 18].

С начала XV в. получили распространение неистинные вакфы (*evlâd-ı evkâf* или *mülhak evkâf*), формально функционировавшие как благотворительные исламские организации. Завещание частной собственности как движимой, так и недвижимой стало надежным способом ее сохранения в распоряжении потомков, которые наследственно назначались управляющими вакфов [4, с. 33-34; 33, р. 119-120]. Одной из сфер деятельности неистинных вакфов была выдача денежных займов под процент [26, р. 232-233; 27, р. 18-19].

Возвращаясь к маликяне, важно принимать во внимание то, что они могли передаваться (фактически продаваться) от одного лица к другому при выплате государству 10 % *муаджеле* [13, р. 66-67]. Сын маликянеджи имел возможность приобрести маликяне своего отца только в случае выплаты нового *муаджеле*, который должен

был превышать суммы, предложенные прочими претендентами [29, р. 18].

Использование долгосрочных откупов не только не уменьшило эксплуатацию крестьян, а, напротив, способствовало расширению субарендных отношений, при которых маликянеджи, приобретающие доходы с целых провинций, перераспределяли их мелким мультезимам [13, р. 67].

Точно так же как и с *ильтизамом* видится уместным сравнить общие положения системы маликяне с ее реальным применением в *эялете Крит*. Пожизненные откупа были распространены на остров только в 1719 г., что можно объяснить особенным положением Крита в османском государственном организме еще со времени его длительной осады (1647-1669 гг.) [31, р. 155-159]. Торги проходили в центре *эялета* – г. *Кандии* (совр. г. *Ираклион*). Руководить аукционом был назначен секретарь имперского двора *Мустафа*. В тот год на Крите было продано всего 183 маликяне, владельцами которых стали 329 чел. Из них 46,2 % маликяне перешли в совместное владение двух лиц, 24 % – одного лица; 14,5 % – трех; 13,6 % – четырех; 1,5 % – пяти дольщиков соответственно. С маликянеджи на Крите несколько раз собирались чрезвычайные налоги: два раза *джебелю* – в 1742 г. и 1772-1773 гг., а в 1731 г. была предпринята попытка взимания *джюлюса* в связи с восшествием на престол *Махмуда I*, однако, что примечательно, данный налог не был собран [24, р. 234-237]. Все это говорит о том, что, как и в случае *Карамана*, откупная система в Османском государстве действовала с учетом местных условий.

Видимо самым важным последствием введения откупной системы стала постепенная коммерциализация сельской экономики, обусловленная, с одной стороны, притоком серебряной монеты из Западной Европы, а с другой – введением денежных налогов. В городах все чаще начали проводиться ярмарки, которые служили основным средством контактов между городским, сельским и кочевым населением. Как показал Ш. Памук на примере трех судейских округов (*kaza*) в Стамбуле, мнение о том, что в Османском государстве функционировала строгая регламентация цен [8, с. 101-103], является весьма спорным, потому что по результатам его исследования потолок цен (*narh*) применялся только при высокой инфляции и в моменты тяжелых внутренних потрясений [26, р. 237; 27, р. 14].

Второй вариант эволюции тимарного землевладения – это *чифтликское* хозяйство. Рубеж XVI–XVII вв. был ознаменован опусто-

шением значительной части Анатолии в ходе Джелялийской смуты и расширившейся практикой оставления крестьянами своих земель, вызванной усилением злоупотреблений со стороны сипахи и повышением налогового давления, в Румелии. Основным способом образования чифтликос стало занятие состоятельными лицами заброшенных или пустующих земель и использование для их обработки труда домашних рабов либо поденщиков. В некоторых случаях чиновники прибегали к прямому давлению или захвату крестьянских земель. Первые чифтлики были малого размера, что, конечно же, не исключало возникновения больших хозяйств, ориентированных на выращивание зерновых культур либо скотоводство. Чаще всего чифтлики располагались возле больших городов и на торговых путях. Учитывая большой спрос на зерно в Европе и высокие цены, многие хозяйства, обходя запреты, вели контрабандную торговлю с европейскими купцами. Османское правительство негативно относилось к практике чифтликоского хозяйства, которое вело к уменьшению количества налогоплательщиков. Чифтлики не были полной частной собственностью, что позволило правительству в 1609–1610 гг. на основании «указов справедливости» (*adalet name*) Ахмеда I ликвидировать многие такие хозяйства [4, с. 24-25; 19, р. 350-351].

В этих условиях самым эффективным средством сохранить свое имущество было завещание его в пользу неистинных вакфов. Во время внутренней нестабильности влиятельные чиновники находили пути, чтобы превратить государственную собственность в частную, а потом передать ее в распоряжение вакфов [19, р. 351]. В инвентарной описи документов вакфов, хранящихся в Восточном отделении Национальной библиотеки имени Св. Кирилла и Мефодия в Болгарии, показано что в подробном реестре вакфов (конец XVI в.) казы Малгара 4 благотворительных учреждения из 9 располагали чифтликами [20, р. 68-69]. В статье Н. Йылдыза о вакфах Кипра также указывается, что чифтлики нередко являлись составной частью имущества вакфов [33, р. 117-159].

Вновь развитие чифтликоского хозяйства оживилось в конце XVII в. Как и раньше, большинство возникших хозяйств было мелкого или среднего размера. К примеру, из 69 чифтликос, обнаруженных в 1696 г. в окрестностях Бурсы, 22 (32 %) были размером от 5 до 20 га, 42 (61 %) – 20-60 га, и только 5 (7 %) – 100-250 га [4, с. 26]. В XVIII в. активно создавать чифтлики начали влиятельные аяны (представители местных элит), окруженные вооруженными

свитами и способные отстоять свои владения. Аяны контролировали подчас целые эялеты и даже вступали в открытые вооруженные конфликты с правительством при решении конфликтных ситуаций. В руках аянов стали концентрироваться не только огромные чифтлики, но и маликяне, которые они распределяли через субаренду своим подчиненным [34, р. 433-447].

Весьма прибыльные чифтлики в это время были расположены на границе с австрийскими Габсбургами, что гарантировало стабильный внешний спрос. А чифтликоское хозяйство на Крите базировалось на экспортно-ориентированной культуре – оливках [31, р. 159-161].

В общем, в ходе исследования наметились следующие выводы: разложение тимарной системы землевладения шло в результате как внутренних, так и внешних факторов, вызванных зарождением капиталистических отношений в Западной Европе; возникло два пути эволюции тимарного землевладения – в откупную систему и чифтликоское хозяйство; указанные процессы сопровождалась коммерциализацией сельской экономики; откупа и чифтлики представляли собой рискованные предприятия, требовавшие значительных денежных вложений; становление откупной системы, выступающей также в роли источника внутренних займов, в свою очередь, определило активизацию ростовщического капитала и применение субаренды; появление чифтликос было во многом связано с ростом внутреннего и внешнего спроса на сельскохозяйственную продукцию и, прежде всего, на зерно; новые тенденции не привели к утверждению частнособственнических начал в земельных отношениях.

Примечания:

1. *Васильев Л. С.* Всеобщая история / Л.С. Васильев. – Т. III. От средних веков к новому времени (XVI–XVIII вв.). – М.: Высшая школа, 2008. – 568 с.
2. *Иванов Н. А.* Цивилизации Востока и Запада на рубеже нового времени / Н.А. Иванов // История Востока / Под ред. Р.Б. Рыбакова. – Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 28-45.

3. *Іналджик Г.* Османська імперія: Класична доба, 1300–1600 pp. / Г. Іналджик; пер. з тур. – К.: Критика, 1998. – 288 с.
4. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса / М.С. Мейер. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1991. – 264 с.
5. *Новичев А.Д.* История Турции. В 4 т. / А.Д. Новичев. – Т. 1. – Л.: Издательство ЛГУ, 1963. – 316 с.
6. *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции / В.Д. Смирнов. – СПб, 1873. – VII+272 с.
7. *Тверитинова А.С.* Восстание Кара Языджи – Дели Хасана в Турции / А. С. Тверитинова. М.: Издательство АН СССР, 1946. – 88 с.
8. *Тодоров Н.* Балканский город XV-XIX вв. / Н. Тодоров; пер. с болг. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1976. – 518 с.
9. *Adanır F.* Semi-autonomous Forces in the Balkans and Anatolia / F. Adanır // *The Cambridge History of Turkey.* – Vol. 3. The Later Ottoman Empire, 1603–1839 / Ed. by S.N. Faroqi. – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 157-185.
10. *Agoston G.* Habsburgs and Ottomans: Defense, Military Change and Shifts in the Power / G. Agoston // *The Turkish Studies Association Bulletin.* – 1998. – Vol. 22. – No. 1. – P. 126-141.
11. *Barkan Ö.L.* The Price Revolution of the Sixteenth Century: a Turning Point in the Economic History of the Near East / Ö.L. Barkan // *International Journal of Middle East Studies.* – 1975. – Vol. 6. – No. 1. – P. 3-28.
12. *Çakır B.* Tax-farming / B. Çakır // *Encyclopedia of the Ottoman Empire* / Ed. by G. Agoston and B. Masters. – New York: Facts on File, 2008. – P. 555-557.
13. *Çızakça M.* Tax-Farming and Resource Allocation in Past Islamic Societies / M. Çızakça // *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics.* – 1989. – Vol. 1. – P. 59-80.
14. *Demirci S.* İltizam (Tax-farming) in the Avâriz-tax System: a Case Study of the Ottoman Province of Karaman, c.1650s-1700 / S. Demirci // *Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* – 2002. – № 12. – P. 159-172.
15. *D'souza R.* Crisis before the Fall: Some Speculations on the Decline of the Ottomans, Safavids and Mughals / R. D'souza // *Social Scientist.* – 2002. – Vol. 30. – No. 9/10. – P. 3-30.

16. *Genç M.* Economy and Economic Policy / M. Genç // *Encyclopedia of the Ottoman Empire* / Ed. by G. Agoston and B. Masters. – New York: Facts on File, 2008. – P. 192-195.
17. *İnalçık H.* Impact of Annales School on Ottoman Studies and New Findings / H. İnalçık // *Review.* – 1978. – Vol. I. – No. 3/4. – P. 69-99.
18. *İnalçık H.* Mutual Influences Between Europe and the Ottomans / H. İnalçık // *İnalçık H. Turkey and Europe in History.* – Istanbul: Eren, 2006. – P. 141-194.
19. *İnalçık H.* The Ottoman Decline and Its Effects upon the Reaya / H. İnalçık // *Aspects of the Balkans: Continuity and Change. Contributions to the International Balkan Conference held at UCLA, October 23-28, 1969* / Ed. by H. Birnbaum and S. Vryonis. – The Hague – Paris: Mouton, 1972. – P. 338-354.
20. *Ivanova S.* Inventory of Ottoman Turkish Documents about Waqf Preserved in the Oriental Department at the St Cyril and Methodius National Library / S. Ivanova, R. Kovachev, E. Radushev. – Sofia, 2003. – 352 p.
21. *Lewis, B.* The Emergence of Modern Turkey / B. Lewis. – 2 ed. – London – Oxford – New York: Oxford University Press, 1968. – XI+524 p.
22. *Murphey R.* Ottoman Warfare, 1500–1700 / R. Murphey. – London: University College London Press, 1999. – XXII+278 p.
23. *Nisancıoğlu K.* Before the Deluge: the Ottoman Origins of Capitalism / K. Nisancıoğlu: Paper for Millennium Conference. – 2012. – 23 p.
24. *Nükhet Adıyeke A.* Farming out of Mukataas as Malikâne in Crete in the Eighteenth Century: the Rethymno Case / A. Nükhet Adıyeke // *The Eastern Mediterranean under Ottoman Rule: Crete, 1645-1840. Halcyon Days in Crete VI. A Symposium held in Rethymno 13-15 January 2006* / Ed. by A. Anastasopoulos. – Rethymno: Crete University Press, 2011. – P. 233-242.
25. *Orbay K.* Ottoman Central Administration and War Finance, Late Seventeenth Century / K. Orbay: Paper presented at XIV International Economic History Congress. Session 106: State and Finance in the Early Modern Times in the Eurasian Continuum. – Helsinki, 2006. – 23 p.
26. *Pamuk Ş.* Institutional Change and the Longevity of the Ottoman Empire, 1500–1800 / Ş. Pamuk // *Journal of Interdisciplinary History.* – 2004. – Vol. 35. – No. 2. – P. 225-247.

27. *Pamuk Ş.* The Evolution of Factor Markets in the Ottoman Empire, 1500-1800 / Ş. Pamuk: Paper presented at the Global Economic History Network Workshop on "The Rise, Organization and Institutional Framework of Factor Markets". – Utrecht, 2005. – 36 p.
28. *Pamuk Ş.* The Price Revolution in the Ottoman Empire Reconsidered / Ş. Pamuk // *International Journal of Middle East Studies.* – 2001. – No. 33. – P. 69-89.
29. *Şahin C.* The Rise and Fall of an Ayân Family in Eighteenth Century Anatolia: the Canıklızâdes (1737-1808): Ph. D. dissertation / C. Şahin. – Bilkent University, 2003. – IX+237 p.
30. *Shaw S.J.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. In 2 vol. / S.J. Shaw. – Vol. 1. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280-1808. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – XIII+351 p.
31. *Stallsmith A.B.* One Colony, Two Mother Cities: Cretan Agriculture under Venetian and Ottoman Rule / A.B. Stallsmith // *Hesperia Supplements. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* – 2007. . – Vol. 40. – P. 147-167.
32. *Ustun K.* The New Order and Its Enemies: Opposition to Military Reform in the Ottoman Empire, 1789-1807: Ph. D. dissertation / K. Ustun. – Columbia University, 2013. – V+287 p.
33. *Yıldız N.* The Vakf Institution in Ottoman Cyprus / N. Yıldız // *Ottoman Cyprus. A Collection of Studies on History and Culture* / Ed. by M.N. Michael. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. – P. 117-159.
34. *Zens R.* Provincial Powers: the Rise of Ottoman Local Notables (Ayan) / R. Zens // *History Studies.* – 2011. – Vol. 3/3. – P. 433-447.

Моргун, Олег Становлення відкупної системи та чіфтликів в Османській імперії (кінець XVI – XVIII ст.).

Дослідження представляє собою узагальнюючий аналіз розпаду тимарного землеволодіння та його заміни відкупною системою та чіфтліками, що викликало поступову комерціалізацію сільської економіки. Автор розглядає загальні риси та особливості цього процесу, який частково нагадує сучасні європейські тенденції того часу, в окремих провінціях Османської держави.

Ключові слова: тимар, ільтізам, малікяне, чіфтлік

Morgun, Oleg Ottoman Empire (Late Sixteenth – Eighteenth Centuries). *The study presents generalized analysis of breakup of the timar system and its substitution by tax-farming and çiftliks that called up gradual commercialization of the rural economy. Author examines common traits and special features of the process, partly resembling contemporary European tendencies of that time in distinct provinces of the Ottoman state.*

Keywords: timar, iltizam, malikâne, çiftlik